

**Н. В.
УСПЕНСКИЙ**

Николай Васильевич Успенский

Грушка

«Жив еще старичок-то – мой тятенька... ни единого волоска на голове, а тоже иное время пустится в присядку! чуден родитель!.. Когда же захмеляет, то всегда запевает: „Ай ты, молодость... буйная!“ разинет рот, а там ни одного зуба нет...»

**Николай Васильевич
Успенский
Грушка**

Жив еще старичок-то – мой тятенька... ни единого волоска на голове, а тоже иное время пустится в присядку! чуден родитель!.. Когда же захмеляет, то всегда запеваает: «Ай ты, молодость... буйная!» разинет рот, а там ни одного зуба нет!

– Потап Егорыч! а вы знавали Ипполита Иваныча?

– Нет-с. А что?

– Ничего. У него все, знаете, пословица: болван!

– Г-мм...

– Потап Егорыч!

– Чего-с?

– А я, значит, вот что: мне теперича хотелось то есть знать от вас: почему вы не женились?

– Да я, Сидор Семеныч, уже был женат. Разве в другой раз?..

– Ну в другой.

– И то ведь думаю посвататься; но боюсь, Сидор Семеныч: моему-то тятеньке до меня дела нет; я кажинную материю должен сам сообразить. Жениться, говорит пословица, не напасть, да чтоб женившись – не пропасть...

– Я понимаю. Но поискать девку-то можно.

– Обвенчался я, Сидор Семеныч, с одной купеческой дочерью, – истинно закаялся; подхватил, можно сказать, такую скотину, – сам не рад... Грушкой дразнили...

– Что ж так?

– Так-с...

– А как вы, Потап Егорыч, мыслите насчет супружества?

– Я так мыслю, что жена должна быть супружницей своему мужу... одно слово жена... она обязана чувствовать все, понимать всякие мужнины добродетели; так как чрез эвто самое может произойти глупость...

– Справедливо. Я знавал некоего купца, так он свою жену в гроб вогнал.

– Известно; мы знаем доподлинно, что жену во гроб вогнуть – ничего не стоит, потому что жена для своего мужа – все равно – плюнуть да растереть...

– Вот! я сейчас тоже доказать хотел. А ваша жена плоха была?

– Так плоха, Сидор Семеныч, что прямо одёр была супруга... и первое дело – обманщица... Значит, не судьба моя! хорошо, что убра-

лась она, царство ей небесное!..

– Позвольте, Потап Егорыч, табачку понюхать... Вы мне опишите поподробней... Готово!..

– Я с ней познакомился еще очень далеко до свадьбы. В ту пору я был приказчиком, сидельцем.

– Да, да, приказчиком.

– Вот и да! Однажды гулял я летним вечером... Сначала-то, Сидор Семеныч, пойдет весело... ничего... занятная история. Ну, и гулял. Вот этак в одной руке держу тросточку, а в другой пеньковые перчатки и помахиваю ими на все четыре стороны. Стало темнеть. Я начал теперь размышлять: «Не пора ли, дескать, домой?» Думаю: «Пора!» – и пошел. Смотрю – на тротуаре идут две девушки: одна то есть горничная, а другая самая моя супружница, примерно, покуда девушка Аграфена. Хорошо; глаза у ней черные, брови черные... «Сем, говорю, подлабынюсь, попытаю счастье...» В случае, какова ни мера, можно тягу дать. Захожу сбоку и веду речь...

– Позвольте, Потап Егорыч, к кому это вы подходите?

– Да то-то к Грушке: купца Мурашкина дочь.

– Ну?

– И говорю: «Куда, сударыня, гуляете?» Она отвечает: «А вам на что, мон шер?»[1].

– Нам, значит, особенной важности мало... осведомиться желательно – не больше того.

– В эв тот раз иду, – говорит, – с гулянья.

– А нельзя ли полюбопытствовать, как у вас имечко?

– Аграфена Власьевна Мурашкина.

– Так-с. Что же вы, Аграфена Власьевна Мурашкина, стало быть, теперича домой отправляетесь?

– Домой, – говорит.

– Ну, а ежели внезапно смеркнется?.. Не опасно одним вам, примерно, идти?

– Нисколько: наш дом-то вот он!

– Где?

– Вот он.

– Гм... так, следовательно, до свиданья!

– Прощайте-с... А как вас зовут, мусьё? – спрашивает она.

– Меня, стало быть, зовут Потап Егорыч Свиньин.

Комедь эта тем и кончилась. Одначе я дела не бросил. Зачал я с того времени прогуливаться у ее дома, все, знаете, по вечерам. Попробовать не мешает. Дом у них каменный; мезонин слишком здоровый выведен. Разгуливаю себе. Она сидит у окошечка, вяжет чулок али колбает⁽¹⁾ что, – сама, понимаете, романсы поет. И пела она, скажу вам, Сидор Семеныч, ладно; пела, как бы доказать – чисто певчая какая... голос манерный и такой, что, к примеру, нашей мещанке тягаться далеко, куда! Грудью она не брала, а, значит, визгом больше... одно слово – важно!

Прохожу раз, Сидор Семеныч, мимо окошечка, в другой прохожу, говорю: «Дай поклонюсь, сделаю почтение». В третий иду, сымаю шляпу: «Вот, мол, вам... изволите, видеть?..» Она увидала, себе кланяется. Я усмехнулся – она ничего, только глаза под лоб подкатила. Тут я смекнул, что надо работать дальше...

На другой день иду опять. Гляжу – сверху из окна вылетает записочка, порхает по воздуху. Мигом схватил я ее, бегу в ресторацию, потребовал пару чаю и читаю. Пишет, стало быть: «Душанчик... ангел мой (девка горячая

была). Ежели бы вы знали, как теперича у меня стремление к вам... от души всего сердца пылаю к вам девушка Аграфена... Сладострастию же моему, говорит, не имею границ – ибо свидание наше в Гречихином переулке должно беспрерывно быть завтра в 9 часов ночи: всячески ожидаю вашего согласия...»

Формально, Сидор Семеныч, свидания я желал. Ведь девчонка она была добротная, румянец во всю щеку. Карахтером ажно ль^[2] дрянь вышла. Наране, как следует, я приоделся, подвязал желтый шелковый платок под шею, запер лавку и отправился в Гречихин переулок. Прихожу; она там, с девкой стоит. Скидаваю шляпу.

– Здравствуйте, Аграфена Власьевна.

– Здравствуйте, – говорит, – Потап Егорыч. – Вижу, совестится.

– Здоровы ли?

– Слава богу-с. – Молчит. Потом обращается ко мне: – Что, Потап Егорыч, вы вчерась получили цидулочку? – а сама перебирает пальчиками и смотрит мне на сапоги.

– Так точно-с. Имел даже оказию прочитывать... Вот ахнул, ей-богу!..

– Так вы, – говорит, – прочитали?

– Прочитал-с.

Опять молчит да вдруг как цапнет:

– Желаете вы, говорит, быть моим предметом? Меня это вскуражило. Докладываю:

– Аграфена Власьевна! неужели ж этого не желать? надо мною всякая то есть бессловесная скотина содрогнется, ежели я не пожедаю...

Прошла неделя.

В некий день является ко мне ее девка и дает мне от Груши наказ такого качества, чтобы я по средам и пятницам ходил к ней в четыре или пять часов утра, как лишь только заблаговестят к заутрени. «Ее отец и мать, говорит, стало, уезжают тем временем к заутрени, так, слышь, извольте, говорит, пожаловать для, значит, препровождения скуки ради... в ее комнату... я, девка, вас провожу туда».

– С моим одолжением, – говорю. – Только вот что: как бы теперича шкандалу не было? Ведь, – говорю, – меня там должны оглоухами накормить за мои посещения.

– Не сумлевайтесь. Ничего.

– Ничего так ничего. – Принялся я похаживать к ней. Хожу благополучно день, другой. Бывало, Сидор Семеныч, не поверите, – ночь не спишь: все боишься, как бы не прозевать. Слышу, благовесть в соборе: «До-он!» – сейчас луплю к ней, в чем ни на есть: в халате, в чуйке ли. Приближаюсь, – ворота отворяются, выезжает купец с купчихой, сидят и крестятся, – на рыжем мерину; ужастенный был мерин, домовым, Сидор Семеныч, всё звали. Эвто так-с. Затем ворота затворяются, а на место их отворяется калиточка, выглядывает девка и дает мне знак, чтобы я шел за ней. Вступаю в комнату... а не забудьте, на дороге, перед крыльцом, у входа-то я завсегда снимал сапоги, сбрасывал их долой, приходил в Груцкину комнату в одних чулках, понимаете, – дабы шуму не было. Так иду тихо, скромно, с ноги на ногу. – Грушка сидит на кровати, я помещаюсь подле нее, она хватает меня за руку.

– Знаете ли, – говорит, – я вас очень обожаю... Я отвечаю:

– Помилуйте, напрасно беспокоиться изволите, не стоит-с...

Она:

– Мерси, Потап Егорыч...

– Ну, а если нас захватят? – говорю.

– Нет, эвтому никогда не бывать...

Таким манером проводим время. Особенностей же между нами ровно никаких не было. Путешествовал я к ней не раз и не два. Время, можно сказать, проводил в пустяках; кроме ласк да пересыпки из пустого в порожнее ничего не было.

Осенью, Сидор Семеныч, не помню в какой-то праздник, встретил я ее на углу Подъяческой, шел было к кажуховым лавкам. Увидел ее, остановился. Она чуть не бросилась ко мне на шею. Кричит: «Жисть моя!.. шагай ко мне ноне ночью, сделай такую милость... У нас будут гости, станут гулять до зари до самой. В моей комнате никого не будет».

– Пожалуй, – говорю. – В котором часу?

– В таком-то.

Наступила пора. Являюсь. Комната ее действительно пустая, и даже огня нет. Только слышу, в соседней зале идут пляски, крик. А Груша тотчас обращается ко мне и говорит:

– Потап Егорыч, слышите: давайте играть. Я смотрю.

– Да как же? не взошел бы кто. Чего доброго, в шею накладывают, недорого возьмут.

– Нет, – шепчет. – Вы разденьтесь, скиньте сюртук, становитесь промеж банками.

– Дальше что же-с?

– Да вы, – говорит, – разденьтесь: Амур и Винера будут представляться.

Мудрит мною, и на! Думал, думал, хочу раздеваться и нет. Что станешь делать? Взял разделся. Стал за цветами. Стою. Вдруг, голубчик мой, растворилась дверь, бежит из соседней комнаты ее брат, за ним целая куча девок. Хохот несется: «Ха-ха-ха...» – девки за ним, он от них, балуются между собою. Я ни жив ни мертв. Как вспомнишь, алии страм, Сидор Семеныч, берет, что эвта Грушка со мной делала... Брат увидал ее и говорит:

– Что ж ты, Грушенька, тут одна? А меня не видно за банками.

– Да так, – говорит, – скучно что-то стало. Мне эвти гости тоску наводят. – И так важно притворилась... «Ну, думаю, вздуть умеет». Брат приласкал ее и повел с собою в залу. Теперича на эвтом еще дело не остановилось. Вскорости я опять-таки забрался к своей лю-

безной. Как услышал колокол... то-то грех! чем бы бежать в церковь, а я к Грушке. Избаловался ловко. Вся причина, глуп был... можно сказать – сволочь! А всему виною Грушка... она, она вовлекла меня в свои сети, да! Прихожу. Сбросил у крыльца сапоги, и к ней... Пошли цалования, милования. Ее девка тут же. Скалит стоит зубы на нас. Вдруг что же? Слышу, скрыл дверь... я живо в угол к лежанке. Девка ко мне и заслонила меня. Я присел. Входит ее мать. К ней:

– Ты что тут? с кем разговариваешь?

– С Анютой, – говорит.

– А ты что здесь стоишь? (Эвто к девке).

– Да так, – говорит, – постоять вздумалось.

А я за ней сажу; держу ее за хвост.

– Ну-ко посторонись...

Анюта посторонилась... как я шаркну! почал стрекать³, Сидор Семеныч, как почал... ай-ай-ай... слетел с лестницы, выбежал на улицу в одних чулках. Продрал две улицы без оглядки, прибежал домой – хватъ, ни одного чулка пет... все растерял... разожгли!..

Больше туда я ни ногой. Кончен бал. Говорю себе: «Нет, Потап Егорыч, отгулялся, будет!

Дождешься, что тебе на спине горбов наделают». Ну, и не ходил. Бросил Грушку совсем. Теперича, Сидор Семеныч, насчет же моих походов к ним, кроме Грушки и девки, так никто и не узнал. Кто таков был, что за персона, но сие время неизвестно.

– Одначе вы, Потап Егорыч, повеселились на своем веку.

– Сидор Семеныч! Где же я повеселился? Ежели бы, к примеру, вы побыли на моем месте, ан не то... ведь сколько одних лихорадок переносил я за эвними слоиюшками...

– А как же вы женились-то?

– Слушайте-с про сватовство. Вещия любопытная. Тут, глядите, какие зачнут строиться гогули. Грушка здесь пойдет уж гадить: такую скверность учинит! Можно сказать, натянет мне нос вот какой, ахтителный. Раз сижу я в своей лавке, всходит ко мне товарищ.

– Здорово!

– Здорово!

– Не хочешь ли, – говорит, – жениться? девка есть.

– Какая?

– Мурашкина купца, Аграфенка. Две тыся-

чи приданого.

– А не врешь, что две тысячи? – Так точно.

Порассудил я: аи посвататся? две тысячи не маковое зерно. По крайности была не была, – повидался. Пойду. Наряжаться я много не стал; надел бекешку, теплый картуз, – рубль с пятаком дал у Гусевых. Ни в чем словно не бывало, иду. Перва-наперво, как можно чиннее, тихеньким прикинулся. Картуз сейчас скидываю, вступаю в переднюю; в ней никого нет, а стоит на столе умывальник посеребренный, мыло, полотенце тут. Мыло раскрашенное такое, я даже изумился, подумал: «Аль попробовать, что за товар?» Взял в руки, нюхнул, так ихватило *амбрем* настоящим, издохнуть – не вру!..

– Благородство, должно быть!

– Ка-ак же... то есть человек, Сидор Семенич, я вам скажу, хоть бы пятьсот душ... да пока до этого дела нисколько. Вижу, выходит ихний молодец (заместо лакея он) и хотел было сымать с меня бекешку; я ему докладываю: «Пожалуйте ручку, будьте завсегда знакомы... лапochку сюда... я об вас думаю и полагаю... А что, хозяин дома?»

– Уехачи-с.

Там же в залах шум раздается: «Жених, жених пришел!» Шествуя в покои, сам помышляю: жалко, не надел сюртука-то... развернулся бы! ишь старика нет дома. Помнишь, золы-то напустил бы... Купец, прочим, эвтого не любил. Вот, Сидор Семеныч, навстречь мне, значит, выходит мать с невестой. Невеста Грушка разодета так, – ходи прочь! юбки, с позволения, фу!.. так и трещат. Одно слово, нет барыша, да штука хороша. И не усмехнется на меня, словно первой видит. Поразговорились, сели на диваны, слово за слово... Мать мигом и ответствует:

– Потап Егорыч!

– Чего изволите-с?

– Дочка моя, – говорит, – всякие танцы и умеет рассматривать... на гусях... кадрили разные... на портуфьянах, фруктами голову улащает...

Думаю: «Все эвто немудрено, может быть; только что тепереча скажет сама невеста?» Мне хотца проникнуть про приданое. Обманывать наш брат мастер. Невеста здесь подходит ко мне, очи свои воздвигает на потолок и

говорит:

– Желаю пондравиться... (кабысь между нами ничего не было).

Я:

– Покорно вас благодарим-с. Желательно, чем вы докажете любовь?

Она:

– Здоровы ли вы?

– Помаленьку.

– Слава богу, лучше всего...

Я:

– Эвто, – говорю, – справедливо.

Ну, тут подали чай; попили чайку, попотели маленько. Я, примерно, избрал времечко, говорю девке, – Грушке:

– Что, между тем, Аграфена Власьевна, позвольте понять: какой вокруг вас интерес есть?

– Найдется, – говорит.

– А как то есть?

– Да найдется. Чего сумлеваетесь? А помните, – говорит, – как вы ко мне ходили?..

– Да-с... именно... помнить кажинную малость помню; касательно же интереса любопытно спросить?..

Она:

– За интересом дело не станет. А вы, Потап Егорыч, сообразите, что предмет главная сила: он прежде всего обращает на себя внимание...

– Точно, – говорю, – предмет многое означает.

Тем делом, Сидор Семеныч, приводят меня в спальню. Осмотр идет. Спальня богатейшая: подушек до потолка до самого. Говорят мне:

– Эвто наша почивальня, Потап Егорыч.

Я говорю:

– Для отдохновения-с?

– Для отдохновения.

Иду обратно, гляжу, возносят мне на показ салфетки и скатерти. Как подали на руки – подоби вот писчей бумаге, ах ты боже! Я подивился. Дальше, наступила пора обедать. Обед значительный был: ветчина... заливное там... вина разных сортов... и попойка была порядочная. Я пил мало. Но бабы, случились за обедом, качали крепко: под конец стола настегались так, – заду не поднимают.

Вот хожу к ним почесть кажинный день.

Про приданое пока молчим... Проходит полгода, проходит страшная⁽⁴⁾... четверг, – ничего. В пятницу на святой⁽⁵⁾ мы снюхались совсем, порешили. Через никак неделю, что вы думаете? Слышу-послышу, за Аграфенку присва-тыется офицер. Только узнал об эвтом, тотчас бегу туда, к ним; зло взяло меня.

Вхожу в дом, являюсь в залы, вижу, действительно стоит офицер, усы расправляет, держится за саблю рукой. Аграфенка сидит на стуле разодетая, разукрашенная: тут ли ты!.. юбки оттопырились на полкомнаты. Говорили ребята, что она к подолу-то пришивала об-руч; конечно, подлинно проведать об эвтом женихам нельзя. А в замужестве она нет, об-ручей не носила. Да и не пригоже; теперича ежели она с обручами взняхуется на кро-вать, – ведь эвто что выйдет?..

Ну сидит она, сама чванится, знаете; шею вытянула, губы сжала... ни полслова, – вели-катная такая. Подле нее стоит ее бабка, по-правляет на ней ленточки и шепчет ей сплошь: «Не шевелись, мать моя, не шеве-лись; а то его благородию не понравятся та-кие дела...» Меня, Сидор Семеныч, рассерди-

ло; как? то за того, а то за другого?.. Теперича рассудите по правилу: хорошо она поступила? а? Я вам говорю, одер девка, царство ей небесное... такая продувняга, – поискать на редкость: сейчас в одно тебе ухо влезет, в другое вылезет. А тятенька-то мой был тут в стороне. Нет, чтобы так-то присмотреть за мной: дескать, как сын женится? Просто, Сидор Семеныч, кажинный шаг я должен был сам обдумывать, чтобы впросак не попасть.

Гляжу, мать Грушкина опять зачала расхваливать офицеру свою дочку, как мне прежде, что и танцы и всякие... гримасы ногами выкидывает, и пятое-десятое... Отец тоже себе указывает офицеру на девку, говорит:

– Вот, стало быть, ваше благородие-с, товар лицом: извольте заключить, – говорит, – белозна-с какая... одни ручки – что твоя мука пшеничная; первый сорт... манность!..

И шепчет офицеру, сам ухмыляется... «Как, ежели бог даст, женитесь, ваше благородие-с, таких поросенок препожалует, – любо-дорого смотреть...»

«Ну, думаю, провела... не замай же!..»

А она, Сидор Семеныч, Грушка-то, запре-

жде как услышала, что офицер свататься хочет на ней, кричит: «Я благородная... Я благородная», – говорит. Видите? что значит необузданность-то.

– Так как же-с? какая будет крайняя цена?

– Пять тысяч, – говорит. (Куда ляпнул!)

– Нет, таких цен ноне не бывает. Вы по-сходней просите. А не можно ли, ваше благородие, взять две тысячки?

– Нельзя-с, – говорит, – убыток будет.

– А то по рукам?.. Грушка смотрит на них.

Я не стал слушать их разговоров, взял подсел к ней. Завожу речь такого калибру:

– Что же, Аграфена Власьевна, вы теперича мне изменяете?

Она ни слова. А *бабка* подгвазживает ей на ухо: «Не шевелись...» Постой же, думаю себе, ты у меня зашевелишься. Пересел на другое место. В самую эту минуту, Сидор Семеныч, Аграфенка уронила что-то на пол. Офицер бросился, подхватил и подает ей. Она говорит: «Бонжур[2] за внимание...»

Я сижусь. Никто со мной и разговаривать не хочет: притча какая! Встал, нимало не медля, беру картуз и доношу: «Мое почтение-с».

Отец обернулся.

– А! Потап Егорыч... ну, прощайте!

Как мне было тошно, Сидор Семеныч; право... много муки зазнал я с эвтой Грушкой. Пришедши домой, говорю себе: какая она мне будет жена, – верность, ежели и к одному и другому вешается на шею. Пропади ты со всем, Дурища!

Офицер женился на ней, слышите? да и голова же был! вот так искусник: в самую первую же ночь хватились, а его след простыл. Шарили, все углы, трещины высмотрели в дому, нет офицера. А он, говорят, заехал в какой-то трахтир, там богу душу отдал. Болтали, что ему кием голову проломил; иначе кто знает? может, и другое что случилось, только Грушка овдовела. Вот тебе и благородная!

Сказываю своим ребятам: «Как, мол, полагаете? что бы мне сделать с Грушкой? Злыдни такие учинила...» Положим, я не женился на ней, а она за меня не вышла, – все же таки помятовать ей надобно. Зол был я на нее. Сначала объявил ее девке: «Скажи своей Грушке: как встретится где, так угощу, язык высу-

нет...» По городу, Сидор Семеныч, уже пошли ходить разные разности, всё про Грушку... Слушайте, что дальше. На вешнего Миколу⁽⁶⁾ приходит вдруг ко мне ее отец.

– Егорыч!

– Что?

– Так и так... прости меня... я тебя обидел.

– Чем, Влас Гаврилыч?

– Да как же: дал тебе тогда честное слово, а сделал пошлость...

– Ну, этого не воротишь, – говорю.

– Нет, – говорит, – оно можно воротить.

– Как?

– А вот как: я офицеру-то покойнику дал две тысячи, а тебе, ежели хочешь, дам три.

«Ишь как, думаю, куда полезло!»

– Вот что, – говорю, – Влас Гаврилыч: деньги ничего, их можно, пожалуй... я не прочь. Одна статья меня в сумленье приводит.

– Какая?..

– Боязно мне... то есть касательно Аграфены Власьевны: ведь она, будь меж нами сказано, уж женщина. Следовательно, цена теперича ей не та.

– Вот тебе, провались я на сем месте, – го-

ворит, – девка неповинна. Слышь, офицер после ужина удрал...

– Так ли?

– Лопни мои глаза.

– А ежели нет, тогда что?

– Будь я анафема, коли лгу. Будь друг, избавь девку. По городу такие шкандалы ходят – смерть!..

– Изволь, изволь. Но чтобы, смотри, – говорю, – насчет того...

– Я тебе сказываю, убей меня бог, ежели...

– Ладно.

Сладились. Через месяц, Сидор Семеныч, мы обвенчались. Но дивитесь теперича, как, значит, наш брат купец, как он обдуть-то ловок. Вместо всего, что мне сулили... обманули меня во всех частях... какова скверность...

Примечания

1

Мой милый? (от фр. *mon cher*).

[^^^]

2

Неправильное употребление французского слова *bonjour* – добрый день.

[^^^]

Комментарии

1

Колбать – плохо шить, копаться.

[^^^]

2

Ажно ль – неужели, разве что (обл.).

[^^^]

3

Стрекатъ – здесь: удирать.

[^^^]

4

Страшная (то есть *страстная*) – последняя неделя перед пасхой.

[^^^]

5

На святой – во время первой недели после пасхи.

[^^^]

6

На вешнего Николу – 9 мая по ст. ст.

[^^^]